

Заготовка фуража в Псковской губернии в годы Первой мировой войны

Эффективность и боеспособность любой армии во многом зависит от качества работы интендантских служб и своевременной поставки фронту всего необходимого. Несмотря на то, что годы Первой мировой войны стали временем активного внедрения новейших технических достижений — авиации, бронетехники и автомобилей, кавалерия, как отдельный род войск продолжала сохранять важное значение в составе русской императорской армии. В связи с этим с первых же дней войны перед военным ведомством встал вопрос о бесперебойных поставках фуража (в первую очередь овса и сена) для содержания огромного количества лошадей, как строевых, так и тех, которые использовались в качестве основной тягловой силы. Так, только на вторую половину 1914 г. потребности армии исчислялись следующими цифрами: овса и ячменя требовалось 52600000 пудов и 125200000 пудов сена¹. Само военное ведомство силой интендантских служб обеспечить заготовку и доставку на фронт необходимого количества фуража не могло. Запасов же, имевшихся на армейских складах, хватило лишь на первые месяцы войны, и уже к осени 1914 г. армия стала ощущать первые затруднения. Стратегическая ошибка русского Генерального Штаба, полагавшего, что крупная военная кампания в Европе при существующем количестве накопленных материальных и людских сил будет краткосрочной, сыграла роковую роль в обеспечении армии не только боеприпасами, но и продовольствием и фуражным материалом. Помощник главного интенданта генерал Н. Ю. Богатко впоследствии вспоминал: «Перед войной у нас прочно привилось мнение, что в мирное время незачем составлять какие-то планы и соображения о том, как продовольствовать армию и страну во время войны; естественные богатства России считались столь большими, что все пребывали в спокойной уверенности, что

получать для армии всё нужное для войны не представит никаких трудностей. В июле 1914 г. Русская армия имела полностью всё потребное ей при мобилизации интендантское снабжение; во время её сосредоточения и в первые дни по прибытии на театр военных действий её части довольствовались из специально образованных для этой цели запасов. Но благополучие в интендантском снабжении закончилось очень скоро. Потребности армии оказались столь велики, что наивная мысль удовлетворять эти потребности «порядком мирного времени» оказалась сразу же несостоятельной... Вообще, весь механизм, ведавший снабжением армии, с его законодательством, не был приспособлен к грандиозной задаче, которая встала перед нами в минувшую войну»². Военное интендантство просто не предполагало того масштаба, который примет война, и с первых же месяцев, поняв, что не сможет справиться с фуражным снабжением армии, стало прибегать к помощи других организаций³. Руководство заготовкой и закупкой фуража и продовольствия министр земледелия и землеустройства А. В. Кривошеин возложил на особого уполномоченного — тайного советника Г. В. Глинку. На местах были намечены окружные и губернские уполномоченные из числа местных общественных деятелей или же чиновников. Впоследствии на специальном совещании в Ставке было решено, что заготовка продовольствия и фуража для нужд действующей армии в тыловых районах фронта предоставляется исключительно Главному управлению землеустройства и земледелия. Что касается заготовок непосредственно в районе военных действий, то они также велись ведомством земледелия, но отдельные районы выделялись в распоряжение военного ведомства. Все предельные цены, по которым совершались заготовки, нормировались ведомством земледелия⁴. Однако это решение являлось совершенным экспромтом, т. к. в довоенный период в деле снабжения министерство земледелия не уча-

Васильев Максим Викторович — член Российской Ассоциации историков Первой мировой войны.

ствовало и не имело для своей деятельности никакого технически приспособленного аппарата. В мирное время вопрос снабжения продовольствием находился в ведении Военного министерства и Министерства внутренних дел. Трудность налаживания планомерной работы по заготовке фуража была связана ещё и с тем, что в стране не существовало никаких цифровых данных по учёту запаса продуктов первой необходимости. Не было никаких статистически точных данных для возможности расчёта производства и потребления продуктов и фуража. При попытке получить те или иные данные разные министерства давали различные сведения. Сменивший А. В. Кривошеина министр земледелия А. Н. Наумов писал: «... я вынужден был очутиться лицом к лицу в этой унаследованной мною области с полным хаосом решений, мнений и предположений... В результате вместо срочного исполнения определенно намеченного и выработанного заранее плана снабжения в горячее время огромных военных событий, захвативших собою почти целиком всю тыловую жизнь страны, пришлось приступить лишь к разработке такого, но, само собой, в условиях очевидно и исключительно неблагоприятных»⁵.

Уже к февралю 1915 г. Главное управление землеустройства и земледелия было вынуждено обратиться за помощью к губернским земствам, на что последние с охотой откликнулись и приступили к заготовке фуража и продовольствия⁶. Первые переговоры между военным ведомством и земствами о совместной деятельности были проведены ещё в августе 1914 г., о чём сообщалось на страницах «Вестника Псковского губернского земства»⁷. В течение 1915 г. в Псковской губернии был создан специальный Фуражный отдел при губернском земстве, который из-за слабости интендантских служб к концу года взял в свои руки вопросы оперативного регулирования отношений с железнодорожным транспортом. Всего в Псковской губернии было создано 32 сенозаготовительных пункта, из которых 13 находились на железнодорожных станциях, и именно с них производилась погрузка и отправка сена в армию. Приём и отправка фуража вошли также в обязанность местных земских уполномоченных, что с одной стороны позволяло частич-

но закрыть потребности фронта, но с другой, вносило децентрализацию и даже путаницу, особенно в работе железной дороги. О сложившейся проблемной ситуации «Известия Комитета Северного фронта» писали следующее: «В настоящее время, когда закупочные операции Всероссийского земского союза распространились по всей России, неудобства, возникающие от взаимной конкуренции на рынке разрозненно действующих агентов земского союза, чувствуются особенно остро. Однако и теперь еще наблюдаются случаи, когда агенты фронтов комитетов закупают на внутреннем рынке те же самые товары, какие закупает отдел снабжения, и без всякого ведома последнего. Кроме того, фронтовые комитеты часто непосредственно обращаются в министерство земледелия и к его уполномоченным по различным заготовкам, что ведет к различным недоразумениям»⁸.

Летом 1915 и 1916 гг. для заготовки фуража в Псковской губернии привлекались учащиеся старших возрастов, из числа которых создавались трудовые дружины. Затраты на использование труда школьников были для государственной казны минимальными — 77,4 коп. на человека. Из этой суммы 51,5 коп. расходовались на питание, 2,3 коп. на квартирные расходы, 10,7 на переезды, 1,6 коп. — обувь, 1,6 коп. — одежду, и 5,8 коп. — орудия труда. Для уборки травы школьники привлекались на 50 дней — с 20 июня по 10 августа, из которых 9 дней отводились на праздники (выходные) и 6 дней на прогулы по случаю непогоды. Каждая бригада школьников обеспечивалась конской сенокосилкой. В течение 35 рабочих дней одной сенокосилкой предполагалось скосить 105 дес. земли⁹. Привлечение учащейся молодёжи к заготовке сена на нужды армии наглядно иллюстрирует неготовность страны снабжать армию в условиях длительного военного конфликта.

На основании имеющихся источников не представляется возможным точно установить, сколько фуража заготовила Псковская губерния в первые два года войны. Но известно, например, что за 1916 г. Фуражный отдел Псковского губернского земства заготовил около 3,5 млн. пудов сена и соломы, кроме того, войсковые части самостоятельно заготовили и вывезли из губернии около

1,2 млн. пудов¹⁰. Характерно, что в докладе Фуражного отдела Псковскому губернскому Продовольственному съезду вообще не упоминается о заготовках овса, из чего следует, что доля заготовок этой зерновой культуры в губернии была совершенно незначительной. В целом же по России кормовые хлеба (овес и ячмень) составляли половину всех армейских заготовок в кампании 1915–1916 гг.¹¹

Общий порядок подвоза продовольствия и фуража, заготовленных внутри страны, был следующий. Продовольствие и фураж распоряжением главного интендантского управления направлялись из районов заготовок в базисные магазины фронтов, а затем в армейские промежуточные магазины или непосредственно в расходные магазины корпусов. Из расходных продовольственных магазинов продовольствие и фураж подвозил и передавал в дивизионные обозы корпусной продовольственный транспорт, действовавший в пределах одного перехода (25 км). В случае удаления расходного магазина от войск на два с половиной перехода и более работал и армейский транспорт. Дивизионные обозы, также работавшие в пределах одного перехода, подвозили и передавали в полковые обозы грузы, принятые от корпусного продовольственного транспорта. В начале войны подвоз продовольствия и фуража производился без планов перевозок, без учёта действительной потребности армий и приёмно-погрузочной способности железнодорожных станций. Вследствие этого на станциях скапливались неразгруженные составы, что сильно нарушало работу железных дорог. Лишь с конца 1915 г. подвоз продовольствия и фуража осуществлялся по специальным планам перевозок¹².

С 1915 г. при заготовке фуража заготавливающие организации должны были придерживаться установленных правительством цен, с которыми соразмерялись местные таксы. Так, например, в Псковской и Петроградской губерниях заливные корма высшего качества заготавливались по цене 80 коп. за пуд сена и 95 коп. — клевера и тимopheевки. Солома оценивалась в 50 % от стоимости сена, а за каждый пуд сена, доставленного до 1 декабря 1916 г., добавлялась пять копеек¹³. Однако на местах агенты, скупавшие у крестьян фураж, как в точной мере и продовольствие, часто

приобретали его по завышенным ценам, «накручивали» цену и всевозможные посредники-спекулянты, для которых военные фуражные поставки стали прибыльным источником дохода¹⁴. Все это вызывало ответную реакцию у крестьянина, который придерживал фураж и не продавал его земству, ожидая либо появления на селе более выгодного агента, либо официального повышения твёрдой закупочной цены. В докладе Псковского Фуражного отдела за 1917 г. достаточно подробно раскрывалась сложившаяся обстановка и поведение крестьянина. В нём отмечалось, что «для армии ещё не так опасно, если в июле-августе и даже сентябре слабо подвозится из тыла фураж, т. к. в эти месяцы армию до некоторой степени спасает наличие на фронте подножного корма. В эти месяцы состояние грунтовых дорог бывает сравнительно хорошее и, казалось бы, этими месяцами заготовка фуража должна воспользоваться и вблизи станций железной дороги сделать запасы сена, каковыми... до установления санного хорошего пути можно было бы кормить армию. На практике сделать запасы сена в июле и сентябре оказалось невозможным, т. к. это сено принадлежит не армии, а сельским хозяевам, у которых это сено нужно сперва купить. Закупать сено оказалось делом нелёгким, т. к. вообще в эти месяцы сельские хозяева, ещё занятые своими полевыми работами, ещё не определили то количество кормов, которое они могли бы свободно для себя продать. Кроме того, хозяева не сразу убеждаются в твердости объявленных правительством цен на сено, и долгое время ещё надеются на то, что представится случай продать свои излишки как-нибудь иначе, не придерживаясь твёрдых цен. Убедить сельского хозяина продать сено теперь же и не ждать зимы и санного пути трудно. Убедить, что твёрдая цена, объявленная на сено, не изменится, тоже трудно, потому что опыт прошлого года показал сельским хозяевам, что твёрдая цена менялась. Кроме того, во многих местах губернии, на многих станциях неожиданно появлялись самостоятельные закупщики сена от отдельных войсковых частей, которые не придерживались установленных твёрдых цен, закупали сено и тем наносили трудно исправимый вред делу общей основной заготовки фуража для фронта. Местные сельские хозяева, естественно, свои симпа-

тии отдавали этим случайным мимолетным заготовителям и уже окончательно переставали обращать внимание на общие воззвания Псковской губернской продовольственной Управы, на обращения к ним агентом ближайших сенозаготовительных пунктов и даже на обращения к ним фронтовых делегатов, которые в июле месяце были командированы в Фуражный отдел Комитетом по довольствию войск Северного фронта»¹⁵. Для исправления сложившейся ситуации Главнокомандующий Северным фронтом издал 24 марта 1917 г. приказ № 221, в соответствии с которым всем воинским частям, располагавшимся или продвигающимся по территории Псковской губернии, запрещалось производить самостоятельные закупки продовольствия и фуража даже за личные денежные средства полковой или армейской казны. В приказе также отмечалось, что вагоны для самостоятельно заготовленного фуража предоставляться не будут¹⁶. Однако запретительные меры Главнокомандующего летом — осенью 1917 г. фактически не имели результата. Командиры различных военных команд повсеместно направляли своих эмиссаров в псковские деревни для скупки продовольствия и фуража. Такое открытое саботирование приказа № 221 было вызвано не столько революционными веяниями 1917 г., сколько катастрофической нехваткой фуража и угрозой фактического падежа лошадей. Командующий Западным фронтом генерал А. И. Деникин писал: «... армия не доедала, в особенности на Кавказском фронте. А конский состав армии весною, при теоретической норме в 6–7 фунтов зернового фуража, фактически падал от бескормицы в угрожающих размерах, ослабляя подвижность армии и деляя бесполезным комплектование её лошадьми, которым грозила та же участь»¹⁷. В целях спасения кавалерии Временное правительство настаивало на отводе в глубокий тыл части конных дивизий, т. к. не рассчитывало справиться с затруднениями по доставке фуража. Для оставшихся на фронте лошадей с марта 1917 г. была понижена норма потребляемого корма, а зернофураж рекомендовалось во всех возможных случаях заменить жмыхами — из расчета одного фунта жмыхов за два фунта зерна¹⁸.

Ожидая сложную ситуацию с заготовкой фуража на 1917 г., министр земледелия

А. А. Риттих был вынужден пойти на крайнюю меру — введения разверсточного плана для губерний Российской империи. 2 декабря 1916 г. было опубликовано постановление «О развёрстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной». 7 декабря последовало окончательное определение норм губернских поставок. Всего развёрстке подлежало 270 млн. пудов овса и ячменя¹⁹. В соответствии с развёрсточными нормами 1917 г. Северный фронт ожидал получить от Псковской губернии 5–6 млн. пудов соломы и сена. На совещании бюро при Главном начальнике Военных снабжений Северного фронта отмечалось, что благодаря сократившейся провозоспособности железных дорог, фронту нельзя рассчитывать на подвоз фуража из внутренних губерний. Получить фураж фронт может только за счёт прифронтовых губерний, каковыми для Северного фронта являлись: Лифляндская, Эстляндская, Витебская, Псковская, Тверская и Новгородская. На этом же совещании было озвучено, что чем успешнее эти прифронтовые губернии, как поставщики фуража, выполнят свои функции по отношению к фронту, тем быстрее смогут получить хлеб из производящих губерний России²⁰. Таким образом, на Псковскую губернию возлагалась сложная задача, в соответствии с которой губерния должна была отправлять ежедневно не менее 14000 пудов сена и соломы. Но выполнить эту норму в условиях нарастающей революционной ситуации, прогрессирующей инфляции и острого транспортного кризиса, заготовительным организациям Псковской губернии не удалось. По данным Псковского губернского земства за первых пять месяцев 1917 г. удалось заготовить и продать в войска всего лишь около 850 тыс. пудов фуража. Ещё 150 тыс. пудов сена было заготовлено самостоятельно различными воинскими частями, что суммарно составило лишь 43 % от плановой развёрстки. Но даже тот фураж, который удалось закупить у населения в первой половине 1917 г., далеко не в полном объёме дошёл до фронта, т. к. при распределении фуража принимались в расчёт не только те лошади, которые находились непосредственно на фронте, но и конский состав тех воинских частей, которые были расположены в прифронтовых губерниях, а также лошади орга-

низаций, работавших на оборону и входящих в состав Северного фронта²¹.

Во второй половине 1917 г., особенно после Октябрьской революции, заготовка фуража в губернии практически прекратилась. Так, в октябре было заготовлено 208 тыс. пудов, а в ноябре всего лишь 121 тыс. пудов сена. Просьбы губернского земства прислать в помощь армейские транспорты, солдатские и даже рабочие отряды для прессовки сена, результатов не возымели. Не получила развитие и идея Псковского Фуражного отдела о прямом сотрудничестве с отдельными армейскими корпусами, минуя штабы армий. После октябрьских событий в Петрограде,

развал фронта стал необратим, и фуражное обеспечение отдельных воинских частей превратилось в абсолютно самостоятельную заготовку «благодаря которой делались «мертвыми» районы целого ряда станций».

Неготовность верховной власти к проведению в жизнь чрезвычайных мер по заготовке фуража и продовольствия для нужд армии, просчеты военного командования в начале войны, децентрализация заготовительных организаций и сложная ситуация на железной дороге, привели к кризису распределения и снабжения армии и, как следствие, её гибели.

Примечания

¹ Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. Париж, 1939. С. 322.

² Там же. С. 314.

³ ГАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 10. Л. 35–37; Д. 2. Л. 28–30.

⁴ Алёхина Е. В., Есиков С. А., Щербинина Ю. В., Хорошун К. Ю., Щербинин П. П. Тамбовское земство и продовольственные поставки для снабжения русской армии в 1914–1917 гг. // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.). Сборник трудов. Тамбов, 2010. С. 101–120; Данилов В., Шанин Т. «Общественная ссыпка» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны // Ежегодник: Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1997. С. 155–156.

⁵ Цитата по: Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. С. 315.

⁶ ГАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 21. Л. 2., 2 об.

⁷ Вестник Псковского губернского земства. 1914. 24 августа.

⁸ Известия Комитета Северного фронта Всероссийского земского союза. 1916. № 2.

⁹ Известия Комитета Северного фронта Всероссийского земского союза. 1917. № 5.

¹⁰ Доклад Фуражного отдела Псковскому губернскому Продовольственному съезду 14–16 декабря 1917 года // Вестник Псковского губернского земства. 1917. № 1–3.

¹¹ Оськин М. В. Продовольственная политика России накануне февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 55.

¹² Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 213; Вестник Псковского губернского земства. 1914. 28 сентября.

¹³ ГАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 24. Л. 68.

¹⁴ Спекуляции на военных поставках проявили себя даже в деле заготовки мешков для зерна, которые Псковскому земству пришлось закупать за границей (в размере одного миллиона штук), т. к. местные производители настолько увеличили цены, что они оказались неподъемными для военного ведомства (Вестник Псковского губернского земства. 1914. 21 сентября).

¹⁵ Доклад Фуражного отдела Псковскому губернскому Продовольственному съезду 14–16 декабря 1917 года // Вестник Псковского губернского земства. 1917. № 1–3.

¹⁶ ГАПО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 17. Л. 5, 29; Д. 77. Л. 54.

¹⁷ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2013. С. 259.

¹⁸ 1917. Разложение армии. Сборник документов. М., 2010. С. 63; Вестник Управы Комитета Северного фронта Всероссийского земского союза. 1917. № 13.

¹⁹ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 479.

²⁰ Доклад Фуражного отдела Псковскому губернскому Продовольственному съезду 14–16 декабря 1917 года // Вестник Псковского губернского земства. 1917. № 1–3.

²¹ Там же.